

значительная и поучительная часть этих мемуаров одного из крупнейших русских ученых XIX вѣка. Въ этой части настроенія Соловьѣна обближаются съ „реакціонными“ настроеніями Каткова той же эпохи и съ „полуреакціонными“ настроеніями нѣкоторыхъ уцѣлѣвшихъ славянофиловъ, хотя Соловьѣвъ вовсе въ это время не сталъ ни катковцемъ, ни славянофиломъ, а оставался попрежнему западникомъ и либераломъ. То, что я говорю, вовсе не означаетъ, чтобы Соловьѣвъ былъ исторически правъ въ своей характеристикѣ и оцѣнкѣ царствованія Александра II. Совсѣмъ наоборотъ: ошибки Александра II состояли не въ поспѣшныхъ преобразованіяхъ, а въ близорукости податливости на реакцію. Но сужденія Соловьѣна мнѣ представляются поучительными не какъ сужденія историка, не по ихъ научному содержанию, а какъ мысли современника, по ихъ психологическому значенію и интересу.

Петръ Струве.

2. Культура рѣчи.

Князь Сергій Волконскій. Выразительное слово. Опытъ изслѣдованія и руководства въ области механики, психологій, философіи и эстетики рѣчи въ жизни и на сценѣ. Спб., 1913, стр. 215. Ц. 1 р. 50 к.

„Платонъ Каратаевъ ничего не зналъ наизусть, кромѣ своей молитвы. Когда онъ говорилъ свои рѣчи, онъ, начиная ихъ, казалось не зналъ, чѣмъ онъ ихъ кончить. Когда Пьеръ, иногда пораженный смысломъ его рѣчи, просилъ повторить сказанное, Платонъ не могъ вспомнить того, что онъ сказалъ минутому назадъ, такъ же какъ онъ никакъ не могъ словами сказать Пьеру свою любимую пѣсню... Онъ не понималъ и не могъ понять значенія словъ, отдѣльно взятыхъ изъ рѣчи“.

Великій художникъ слова думалъ не

только надъ праведнымъ житіемъ, но и надъ словомъ, и въ вышеприведенномъ онъ сумѣлъ дать законодательно точное опредѣленіе тому, что только и можетъ быть названо *естественной рѣчью*. Тѣ, кто обучены грамотѣ и, читая порванную на слопа рѣчь, и подчасъ, со сказовой точки зрѣнія, порванную неосновательно, умѣютъ понимать значеніе словъ, взятыхъ въ отдѣльности; тѣ, кто обучены *русской* грамотѣ, и, въ заблужденіи, полагаютъ, что въ русскомъ языкѣ начертаніе словъ совпадаетъ съ ихъ произношеніемъ; тѣ, кто знаютъ склоненіе, спряженіе и зависимость предложеній,—тѣ не могутъ говорить *естественной рѣчью*.

Съ ранняго дѣтства языковое развитіе каждаго изъ насъ подвергается воздѣйствію искусственности, и, если мы не примемъ мѣръ къ обращенію ея въ искусство, наша рѣчь захирѣетъ. Первоначальная самопроизвольность Каратаевской рѣчи можетъ быть и выше знающаго искусства Демосееновой однако, разъ съ Каратаевымъ мы безвозвратно разстались, разъ сознаніе и намѣреніе проникли въ наше слово, то не лучше ли, чтобы не случайное знахарство учебника, но просвѣтленная наукою воля опредѣляла намъ правила рѣчи? Гдѣ не можетъ быть наивности, тамъ знаніе предпочтительнѣе предразсудка.

Думающіе такъ должны привѣтствовать появленіе книги кн. Волконскаго „Выразительное слово“. Она построена на тѣхъ же основахъ, что и замѣчательная книга того же автора „Выразительный человекъ“¹⁾, но въ отличіе отъ нея „Выразительное слово“ не является собою сооруженія завершеннаго и во всѣхъ частяхъ уравновѣшеннаго. Конечно, отсутствіе такого предшественника, какъ Дельсартъ, и необходимость приспособленія новаго предмета (слова) къ ученію, выработанному

¹⁾ См. мою статью: „Искусство выразительнаго глѣдженія“ (Р. М. 1913, № 11).

хотя и на подобномъ, но все же другимъ предметъ (тѣлодвиженіи), должны были обусловить меньшее совершенство второй работы кн. Волконскаго. Но главная тому причина, по-моему, въ другомъ.

По всему видно, что, составляя „Выразительное слово“, кн. Волконскій былъ отвлекаемъ отъ спокойнаго и медленнаго мудрствованія тревожащими представленіями о непрестанно происходящемъ въ театрѣ, на эстрадѣ и на трибунѣ, да и въ обществѣ, рушеніи дорогаго ему искусства рѣчи и, поставивъ себя прежде всего жизненную задачу посылно воспрепятствовать этому рушенію, спѣшили выступить со своею книгою какъ можно скорѣе, чтобы не опоздать помощью. Да и намъ нельзя не взволноваться, видя, какъ человекъ, имѣющій всѣ данныя судить о состояніи театра, бросается ему на помощь почти съ отчаяніемъ и съ такою во всякомъ случаѣ тревогою, что изъ-за нея онъ идетъ даже на нарушеніе единства темы и въ книгѣ о выразительномъ словѣ оказывается вынужденнымъ давать такіе, напримѣръ, совѣты (стр. 194): „Не ѣшьте съ ножа, никогда не ѣшьте съ ножа. Не жестикулируйте вилкой или ножомъ. Вилка, ножикъ служить для потребностей питанія и только, но нельзя вилкой *доказывать*, ножикомъ *убѣждать*, ложкою *угрожать*. Говорю это потому, что видѣлъ часто и на сценѣ, и въ жизни“.

И вотъ въ этомъ желаніи помочь во всѣхъ опасныхъ мѣстахъ кн. Волконскій даетъ очень много весьма полезныхъ совѣтовъ какъ по предмету книги, такъ и по смежнымъ вопросамъ и высказываетъ рядъ заслуживающихъ исключительнаго вниманія соображеній. И тѣмъ не менѣе приходится призвать, что, вслѣдствіе дѣйствія описанныхъ выше причинъ, въ книгѣ не чувствуется становаго хребта, который бы обеспечивалъ увѣренное сотрудничество всѣхъ частныхъ мыслей, записанныхъ въ книгу. Въ „Выразительномъ словѣ“

не разъ излагаются тѣ, по существу, мысли, которыми я началъ эту статью; но изъ нихъ не сдѣлано необходимаго и послѣдняго вывода, который—и одинъ онъ—могъ бы стать для разбираемой книги тѣмъ хребтомъ.

Дѣло въ томъ, что желающіе внести въ жизнь языка (понятія: „языкъ“, „слово“ и „рѣчь“, конечно, объемлютъ не только грамматику и фонетику, но и интонацію, то-есть все, чего касается разбираемая книга) дѣйствіе видящей воли должны считаться съ тѣмъ отъ того послѣдствіемъ, которое въ незапамятныя времена проявилось отъ вмѣшательства видящей воли въ жизнь человѣческихъ обществъ: съ неизбежностью возникновенія въ подлежащей области *политики*. Уже существуютъ политики государственная, хозяйственная, уголовная и т. п.; подлежатъ построенію *политика слова*.

Это отталкивающая мысль—о такой политикѣ. По мнѣнію современнаго человека, духовно зрѣлаго на недѣлани XIX вѣка, языкъ эволюционируетъ, подъ воздѣйствіемъ непредназначенныхъ интеллектуальныхъ процессовъ массовой жизни, и всякое образованное импизмѣненіе естественно и законно и потому правильно; всякое же препятствованіе ему—злостная косность; изобрѣтеніе же въ области языка—оказательство смѣшнаго и претенціознаго невѣжества: языкъ развѣвается естественно!

Время первичной естественности (Каратаевъ) для языка грамотныхъ людей уже прошло; а, съ точки зрѣнія вторичной естественности, естественно все, у чего есть причина. А чѣмъ, какъ причина, разумная воля хуже, скажемъ, дурныхъ пріемовъ обученія, вслѣдствіе которыхъ, подчиняясь начертанію, мы начинаемъ говорить хотя бы „чась“ вмѣсто „чясъ“, „жизпъ“ вмѣсто „жизнь“ и даже (такъ читаетъ—увы!—всякій крестьянскій мальчикъ въ сельскомъ училищѣ) „другого“ вмѣсто „другова“?

А государственную исторію человѣчества развѣ можно назвать неестествен-

нымъ процессомъ изъ-за того, что каждое ея новообразование возникает по равнодѣйствующей къ цѣлямъ стремящихся воле? Ежели бы предложить изгнать дѣйствіе видащей воли изъ круга общественно-хозяйственныхъ отношеній? Послѣдствія принятія такого предложенія, вродѣ рабства или чего-либо подобнаго, до такой степени человѣковредительны, что эстетика недѣланія (название эстетики XIX вѣка) заикнуться объ этомъ, конечно, не смѣетъ. Однако тѣмъ сильнѣй она требуетъ обращенія всей области слова и всей области искусства въ заповѣдникъ, гдѣ могло бы выродиться все созданное предыдущими вѣками, какъ въ лѣсахъ-заповѣдникахъ домашнія животныя, подъ вліяніемъ естественныхъ процессовъ, въ нѣсколько поколѣній обратились бы въ дикихъ прародителей или вымерли бы вовсе. Иногда жаль, что уродства искусства и рѣчи не приносятъ непосредственно вещественнаго вреда и денежныхъ убытковъ. И не потому ли зодчество за послѣднее время становится такъ притягательнымъ для художественныхъ душъ, что глумленіе надъ нимъ бываетъ иногда сопряжено съ человѣческими жертвами?

Кромѣ того, въ исторіи языковъ уже были примѣры сознательныхъ созиданій, и мы, русскіе, могли бы помнить, что нашъ литературный языкъ образовался въ значительной мѣрѣ подъ вліяніемъ обдуманной политики различныхъ кружковъ словесниковъ второй половины XVIII и начала XIX вѣка.

Однако, разъ мысль о желательности введенія видащей воли въ развитіе слова въ полномъ своемъ раскрытіи обнажаетъ необходимость построенія политики слова, то человѣку, ту, первую, мысль приѣмлющему, необходимо въ своихъ сужденіяхъ о рѣчи исходить изъ положеній опредѣленной политики, дабы отдѣльныя усилія его мысли не шли вразрѣзъ другъ другу. Для этого надобно дать себѣ отчетъ въ томъ, какимъ бы, въ идеаль, представлялось слово и

какія тяготѣнія слѣдуетъ сообщить ему въ современномъ его состояніи, чтобы развитіе по направленію этихъ тяготѣній привело слово къ состоянію, намѣченному какъ цѣль. Затѣмъ слѣдуетъ обсудить выразившіяся за послѣднее время тяготѣнія въ аполитическомъ развитіи языка и содѣйствующимъ — содѣйствовать, противодѣйствующимъ — противодѣйствовать, а желательными, но отсутствующія — возбудить.

Приемы указанныхъ дѣйствій составляютъ предметъ практической части словесной политики.

Примѣнительно къ этому сочиненія, подобныя книгѣ кн. Волконскаго, должны бы содержать прежде всего доказательства тому, что поставленныя сочинителемъ языку цѣли желательны, а предлагаемая для достиженія ихъ средства цѣлесообразны и сподручны.

Самыя цѣли въ зависимости отъ многихъ условій у каждого могутъ быть различными, и въ политикѣ слова, какъ и во всякой другой, мыслима ожесточенная борьба партій. Возможны простыя рѣшенія: возведеніе въ норму литературнаго языка какой-нибудь эпохи, даже какой-нибудь опредѣленной плеяды писателей; мыслима проповѣдь безусловнаго слѣдованія простонародному или интеллигентскому говору опредѣленной мѣстности и т. п. Возможны, съ другой стороны, чрезвычайно сложныя построенія политики.

Но воля вовсе не получаетъ точки приложенія силы, если въ одномъ случаѣ, какъ это дѣлаетъ кн. Волконскій (стр. 206 — 207), требуютъ возможнаго ограниченія въ пользованіи иностранными словами (подразумѣніе: да не теряетъ языкъ самобытности), а въ другомъ возстаютъ противъ фонетическаго обрусенія уже вошедшихъ въ обиходъ русскаго языка иностранныхъ словъ. Такъ, на стр. 55 доказывается, что въ словѣ „апелляціонный“ *отератительна* послѣ *ц* замѣна звука *и* звукомъ *ы*. Такимъ образомъ кн. Волкон-

скій требуетъ введенія въ русскій языкъ иностранной фонемы—и мягкаго, которой необученный чужимъ языкамъ великороссъ такъ же не сможетъ артикулировать, какъ итальянецъ звука *ы*, а что, съ точки зрѣнія самобытности языка, всѣ „ангары“ и „куверты“ по сравненію съ бѣдствіемъ фонетическихъ варваризмовъ? Ихъ вѣдь не выносить въ своемъ составѣ ни одинъ здоровый языкъ.

Это въ книгѣ кн. Волконскаго не единственный примѣръ взаимоуничтоженія волевыхъ усилій мысли.

Въ русскомъ языкѣ чрезвычайно много больныхъ вопросовъ — хотя бы появленіе все большаго и большаго количества ошибокъ въ синтаксическихъ зависимостяхъ, тяготящихся къ упрощенію падежныхъ отношеній. То и дѣло встрѣчается замѣна, скажемъ, творительнаго либо дательнаго падежа родительнымъ, замѣна родительнаго винительнымъ (особенно при отрицаніяхъ) и, наконецъ, даже винительнаго именительнымъ (разносички говорятъ въ Петроградѣ: „Я продаю такіе рябчики по 1 р. пара). Ясно: тянеть къ отмиранію склоненія. Что же, содѣйствовать или противодѣйствовать этому? И въ каждомъ случаѣ—какъ?

Очень остроумно замѣчаетъ кн. Волконскій: „Наша рѣчь есть одно непротивленіе“ (стр. 9). Это свойство рѣчи съ особенной силой—въ области чистофонетической, слѣдовательно какъ нельзя ближе къ задачѣ книги, проявляется въ такъ называемой „редукціи“, то есть замѣнѣ въ неударяемыхъ мѣстахъ однихъ качественныхъ гласныхъ другими качественными, а то и вовсе безразличными гласными, для которыхъ нѣтъ и знака начертанія. У редукціи много степеней. Въ какихъ предѣлахъ ей покровительствовать? Или гнать ее? Это все важнѣйшіе (есть и другіе, не менѣ важные) вопросы политики языка, но на нихъ разсматриваемая книга опредѣленныхъ отвѣтовъ не даетъ, а разные частные совѣты, соотвѣствующіе

щія области затрогивающіе, иногда, по отношенію къ этимъ областямъ, находятся въ противорѣчій.

Построеніе политики слова — основная и очередная задача культуры рѣчи. Построить такую политику кн. Волконскому съ перваго раза не удалось. Но справедливость велитъ признать, что духъ такой политики уже живетъ въ „Выразительномъ словѣ“: вѣра въ волю, благородное негодованіе противъ распущенности и тонкое пониманіе трепещущихъ частностей то и дѣло разрѣшаются изреченіями мѣткими и съ силою разящими. Все изложеніе книги—это чувствуется—слѣдствіе патетическаго вниманія къ предмету и чтеніе книги подѣмлетъ его значеніе въ глазахъ читателя. А что другое нужно искреннему проповѣднику? Очень хороши призывы къ самоограниченію, къ борьбѣ съ чрезмѣрнымъ произволомъ личности. Въ однихъ этихъ призывахъ такъ много политическаго! Развѣ не прекрасенъ совѣтъ (стр. 87): „Не мыслите быть выше того произведенія, которое читаете. Будьте ниже его; не его себѣ подчиняйте, а начните съ того, что сами ему подчинитесь. *Въ подчиненіи свобода художника*“ (курсивъ мой). На послѣднее изреченіе хочется откликнуться началомъ одного сонета Вячеслава Иванова:

Въ наукѣ царственной, крѣпящей духъ
державный,
Въ повиновеніи—сей доблести владыкъ,
Ты музами поэтъ поставленъ и привыкъ,
Ихъ мѣрѣ подчинять свой голосъ свое-
правный.

Н. В. Недоброво.

3. † Константинъ Егоровичъ Маковский.

Въ лицѣ К. Е. Маковского сошелъ въ могилу одинъ изъ послѣднихъ и притомъ крупнѣйшихъ могикавъ „старой“ живописи. Въ свое время, а можетъ быть, отчасти и до послѣднихъ дней,